

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-1>

Н.П. Матвеева, Н.Ю. Сучилина

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru (Матвеева Н.П.);
n.y.suchilina@utmn.ru (Сучилина Н.Ю.)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ПРИТОБОЛЬЯ (МОГИЛЬНИК НА ПОСЕЛЕНИИ УСТЮГ-3)

Статья посвящена погребениям энеолита в Притоболье, открытым при раскопках на средневековом курганном могильнике Устюг-1 в Заводоуковском районе Тюменской области. Помимо находок в насыпях курганов, переотложенных из поселенческого слоя Устюга-3, оставленного носителями андреевской и шапкульской культур, и городища баитовской культуры Устюг-2, было обнаружено 5 разновременных грунтовых погребений с инвентарем эпохи энеолита, также отнесенных к данным культурам и датированных концом IV — серединой III тыс. до н.э. Аналогии погребальному обряду прослеживаются в Тоболо-Исетье, на Урале, в Казахстане. В парном захоронении с оригинальным сочетанием поз умерших: один сидя у изголовья другого, положенного вытянуто на спине, авторы видят обычай «соумирания». В числе находок из могильных ям — пластинчатые заготовки и изделия, ретушированные наконечники стрел на отщепях, каплевидные сланцевые подвески, каменный «утюжок».

Ключевые слова: энеолит, погребальный обряд, Притоболье, каменные «утюжки», шапкульская культура, андреевская культура.

Введение

Погребальный обряд эпохи энеолита в Притоболье остается малоизученным. Энеолитические грунтовые захоронения прежде обнаруживались в ходе раскопок более поздних, курганных комплексов и отличаются плохой сохранностью. Наиболее представительные материалы дал могильник Верхняя Алабуга из 23 погребений, однако в середине 70-х гг., когда он раскапывался, ни детальных антропологических определений, ни радиоуглеродного датирования еще не проводилось [Потемкина, 1985, с. 150–162], поэтому хронология памятника и его позиция среди других древностей Зауралья не вполне ясны. Отдельные публикации вышли по могильнику шапкульской культуры Бузан-3, давшему 13 погребений [Матвеев и др., 2015], комплексам Андреевского озера близ Тюмени [Зах и др., 2006]. В последние десятилетия выходили обобщающие работы по проблемам энеолита [Шорин, 1999; Мосин, 2000; Зах, 2009], в которых рассмотрен интересующий нас вопрос с точки зрения историко-культурных различий групп населения. На сегодня признано, что это локальные отличия родственного населения в рамках зауральской культурно-исторической области энеолита (области гребенчатого геометризма), относимой к финно-угорской языковой общности [Мосин, 2000, с. 238; Шорин, 1999, с. 55].

В целом следует отметить, что пока не сложилось общего представления о специфике погребальных памятников конкретных культур. Известны захоронения в положении сидя, стоя, лежа вытянуто на спине, скорченно, а также кремации, захоронения одних черепов. Захоронения производились как на открытой местности, так и в пещерах, как в глубоких, мелких могильных ямах, так и в ладьях, с различными инвентарными наборами и без инвентаря. Все это является основанием предполагать глубокие мировоззренческие и социальные различия, отразившиеся в ритуальной практике, и актуализирует вопрос об отличительных признаках традиций выделенных археологических культур.

Источники

Энеолитический могильник Устюг был обнаружен при проведении Н.П. Матвеевой раскопок курганного могильника Устюг-1 с захоронениями раннего железного века и эпохи Великого переселения.

ления народов. Памятник расположен в Заводоуковском районе Тюменской области на левом берегу р. Тобол в 3 км к северо-востоку от д. Старо-Лыбаево, на мысу коренного берега, окруженном старицами (рис. 1). Предварительные результаты изучения энеолитических погребений и баитовского комплекса опубликованы [Матвеева, 2012; Матвеева и др., 2011].

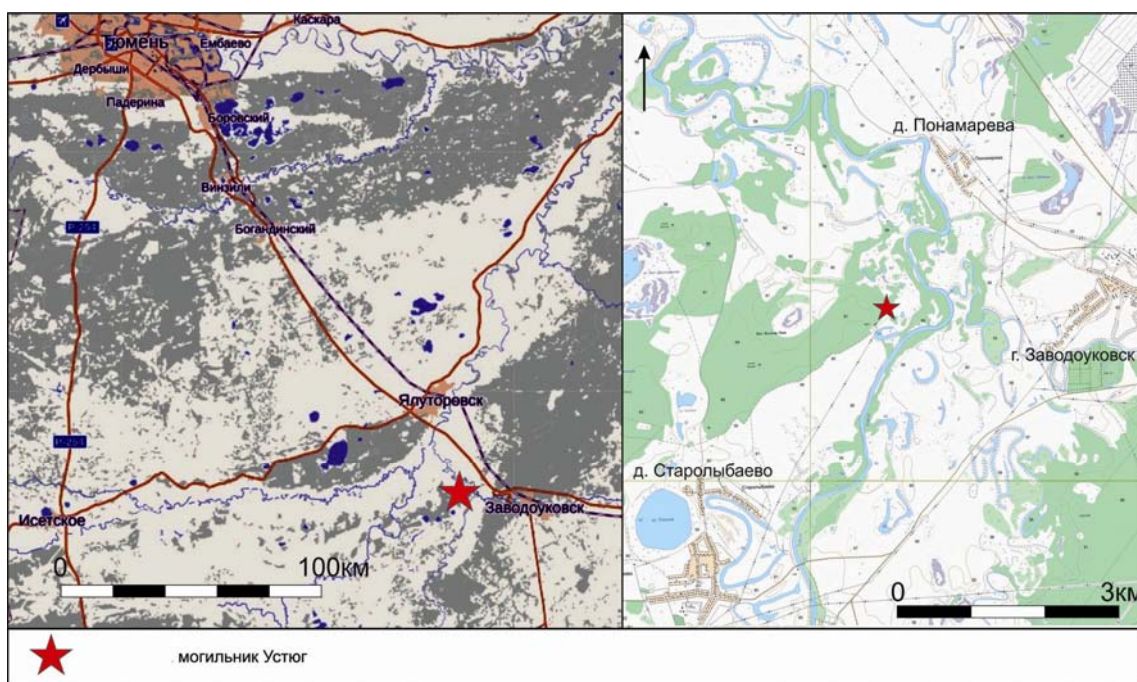

Рис. 1. Местоположение энеолитического могильника Устюг.

Fig. 1. The location of the Eneolithic burial ground Ustyug.

Ранний материал повсеместно присутствовал в раскопах, которыми в течение пяти лет изучено 27 саргатских курганов и насыпей эпохи Великого переселения народов [Матвеева, 2016]. Наибольшая концентрация находок отмечена в восточной части могильника, на луговине, где в 1981 г. И.В. Усачевой было открыто поселение эпохи неолита — энеолита Устюг-3 [Археологическое наследие..., 1995, с. 49]. В ходе раскопок 2019 г. выявлены три погребения, которые вместе с двумя обнаруженными в 2009 г. захоронениями составляли неровную линию. Они расположены под насыпями курганов 4, 22 и 42, на окраине поселения¹ (рис. 2).

В раскопе на кургане 4 к энеолиту отнесены погребения 2 и 3². *Погребение 2* имеет овальную форму и размеры 2,19х1,25 м, повреждено вдоль края ямы более поздним погребением, а посередине — рвом городища раннего железного века, который не был виден на поверхности. На дне могильной ямы обнаружены обломки энеолитической посуды, два отщепы, ножевидная пластина из серого кремня и две ножевидные пластины из розового кремня (рис. 3, 4, 5, 13). Антропологический материал представлен единственной большой берцовой костью взрослого человека. Над погребением отмечены следы прокала, который мог возникнуть и при совершении более поздних захоронений.

Погребение 3 раскопа на кургане 4 также имеет овальную форму, его размеры составляли 1,6х1,0 м, глубина — 30 см. Яма была пересечена рвом поселения раннего железного века. В ней в беспорядке находились кости черепа человека — обломки свода, пять зубов, три обломка длинных костей ноги, пять мелких костей, две ножевидные пластинки и два ретушированных наконечника стрел из кремня, изготовленных на отщепе, фрагмент керамики (рис. 3, 1–3, 6–11). Рядом с могилей была энеолитическая керамика (рис. 3, 12). Антропологом О.Е. Пошехоновой определено, что все зубы постоянные, молочных нет, принадлежат индивиду в возрасте после 17–18 лет. Зафиксирована незначительная стертость коронок, характерная для возраста 20–25 лет.

¹ Поселение Устюг-3 не исследовалось раскопками планомерно, курганы были насыпаны на относительно ровных местах межземляночного пространства и содержали в гумусированном слое переотложенный инвентарь.

² Нумерация погребений соответствует таковой в отчетах автора раскопок.

К характеристике погребальной обрядности энеолитической эпохи Притоболья...

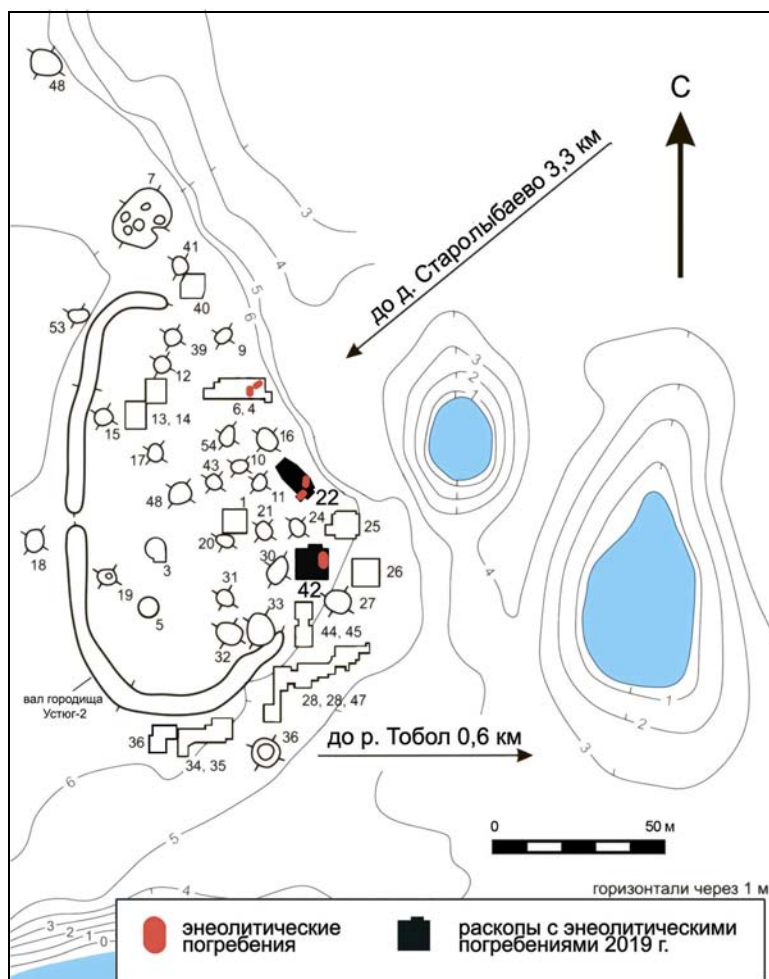

Рис. 2. Расположение энеолитических погребений на площади поселения Устюг-3, городища Устюг-2 и курганного могильника Устюг-1.

Fig. 2. The location of the Eneolithic burials on the area of the settlement of Ustyug-3, the settlement of Ustyug-2 and the burial mound of Ustyug-1.

По предположению автора раскопок, изначально покойный был уложен в скорченной позе и ориентирован головой на северо-восток, поскольку размеры ямы недостаточны для размещения тела взрослого человека в полный рост [Матвеева, 2012, с. 18].

В насыпи кургана 22 и отдельных ямах присутствовала энеолитическая керамика в количестве 966 ед.; материал в основном относится к андреевской и шапкульской археологическими культурам, найдены также байрыкская керамика и фрагменты посуды с ложношнуровой орнаментацией, характерной для памятников липчинского типа. В раскопе обнаружены сигаровидные грузила, предметы каменной индустрии: ножевидные пластины, скребки, отщепы, нуклеусы, сколы. Однако отделить поселенческий материал из ям от предметов ритуальной принадлежности, связанных с захоронениями, не удалось³.

После зачистки на материке стали видны контуры ям с серым песочным заполнением. Две из них, имеющие наиболее геометрически правильные очертания и размеры более человеческого роста, гипотетически интерпретированы как погребения, им присвоены номера 2 и 4 (рис. 5). При выборке данных объектов антропологических останков в них не обнаружено, вероятно, из-за ограбления в позднее время, хотя инвентарь присутствовал. Стоит отметить, что обе ямы пострадали от подтопления, при этом из-за марганцевых включений сложно было понять, что представляло собой заполнение погребений.

³ Поэтому материал из ям и насыпей не рассматривается.

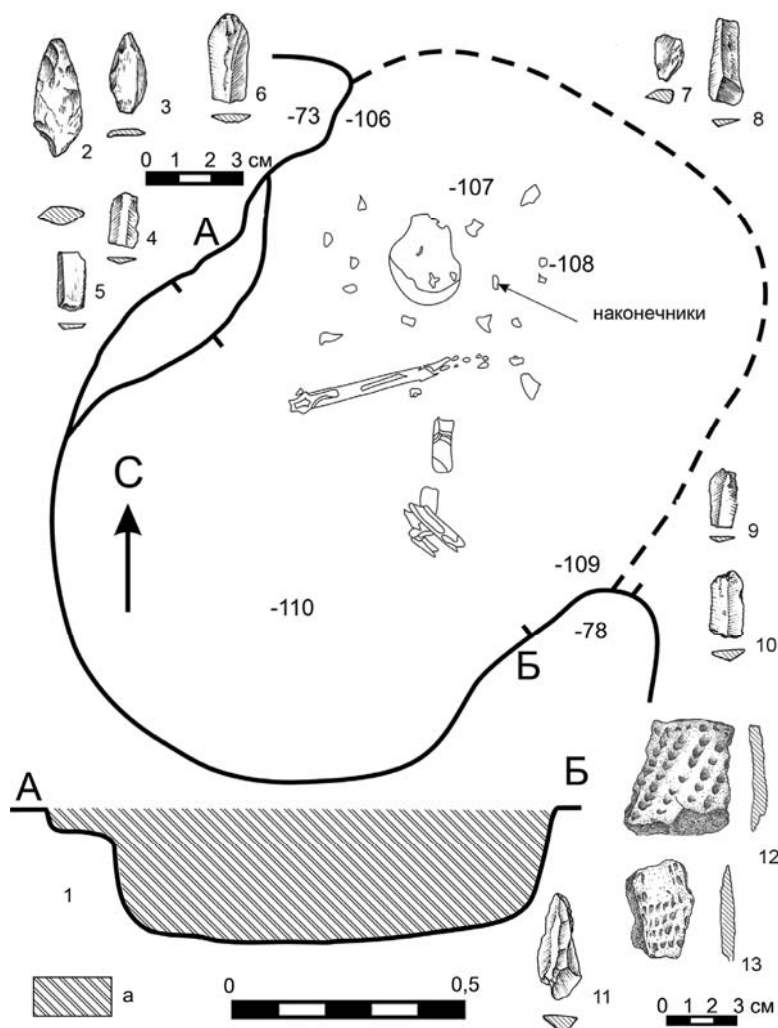

Рис. 3. План и разрез погребения 3 (1) и инвентарь из погребений 3 (2, 3, 6–12) и 2 (4, 5, 13) в раскопе на кургане 4:

12, 13 — глина, 2–11 — камень; а — темно-коричневая супесь.

Fig. 3. Plan and section of burial 3 (1) and inventory from burials 3 (2, 3, 6–12) and 2 (4, 5, 13) in excavation on mound 4:

12, 13 — clay, 2–11 — stone; а — dark-brown sandy loam.

Погребение 2 кургана 22 имеет размеры 3×1,25 м, глубину 1,56 м (рис. 4, 9). Ориентировка по линии север — юг. Следы ямы сверху и перекопанное дно свидетельствуют о вторжении в могилу грабителей. В южной части ямы прослеживается материковая ступенька. Помимо ямочно-гребенчатой керамики, орнаментированной геометрическими узорами, зигзагами, раздвоенной палочкой, в заполнении был найден фрагмент каменного «утюжка», декорированного по лицевой стороне резными линиями, образующими ромбическую сетку, и по бокам тройными зигзагообразными линиями (рис. 4, 7). Размеры изделия: 5,3×3,4×1,2 см, ширина желобка — 0,7 см. Изделие ромбовидной формы, однако все его поверхности, кроме спинки, достаточно сглажены и не имеют свежих следов слома. По-видимому, «утюжок» помещен в могилу уже сломанным. Подобные изделия имеют весьма широкий период бытования, встречаются в неолите и энеолите, на поселенческих памятниках и в погребениях, хотя и редки, зачастую на один археологический памятник приходится не более одного экземпляра [Усачева, 2009, с. 12].

Каменный инвентарь (рис. 4) представлен ножевидными пластинами из серо-зеленого сланца, размерами 2×0,6 см; из розового кремня, размерами 3,6×0,7 см, с краевой ретушью; из черного сланца, размерами 3,8×0,9 см, с ретушью; из розовато-серого сланца, размерами 3,2×1,4 см; двумя нуклеусами из черного сланца (5,4×1×0,7 см); из коричневой яшмы (1,5×1,1×1 см).

К характеристике погребальной обрядности энеолитической эпохи Притоболья...

Также найдены шлифованный нож из серого сланца с подтреугольным сечением, размерами 4,6х2х0,9 см; фрагмент шлифованного изделия из камня подтреугольной формы, размерами 5х4,2х1 см; лошито из черепка насыщенно-красного цвета.

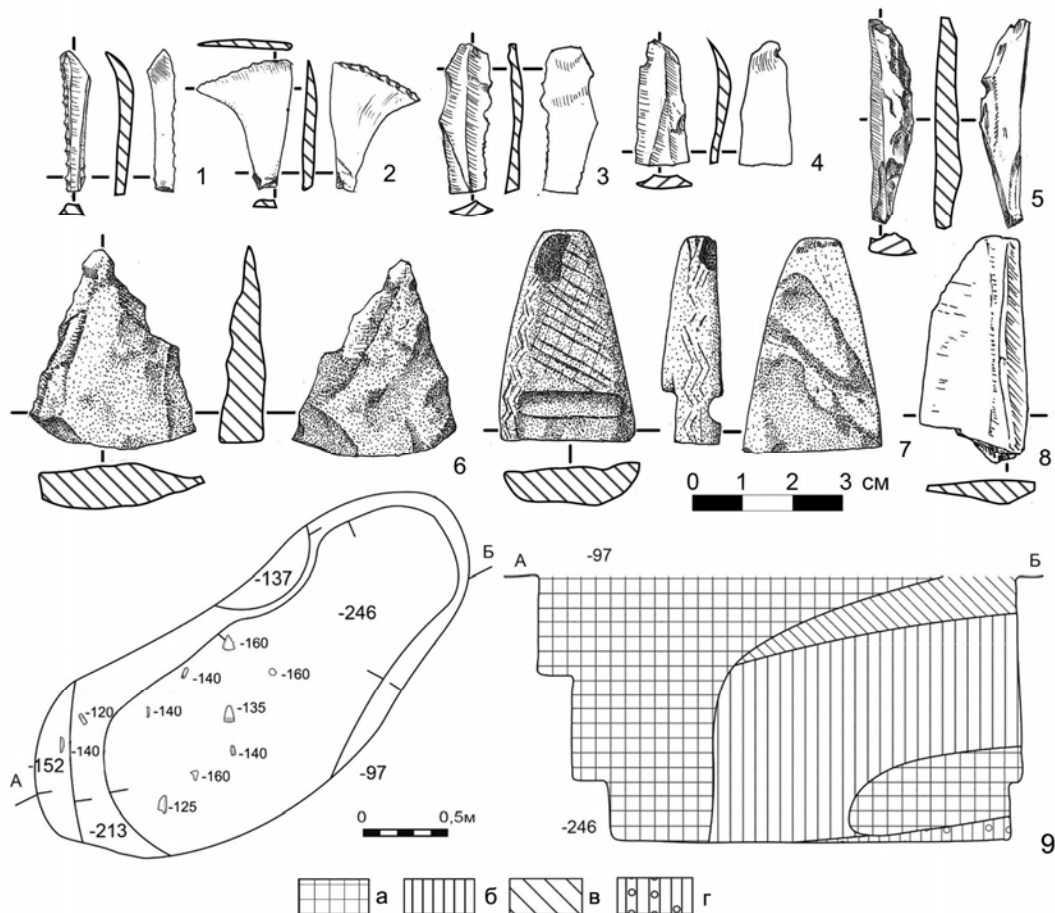

Рис. 4. Каменный инвентарь из погребения 2 раскопа на кургане 22:

1-8 — камень, 9 — план и разрез погр. 4 к. 22.

Условные обозначения: а — черный слой, б — коричневый слой, в — серый слой, г — мешаный слой.

Fig. 4. Stone inventory from burial 2 of the excavation on mound 22:

1-8 — stone, 9 — plan and pit cut of burial 4 m. 22. Legend: a — black sand, б — gray sand, в — brown sand, г — mixed sand.

Погребение 4 кургана 22 имело яму размером 2,2х1,6 м, глубиной 0,42 м от материка (рис. 6, 1), ориентировка по длинной оси по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Заполнение состоит из серой супеси и прослойки почти черного грунта. В яме обнаружен раздавленный яйцевидный сосуд, который удалось склеить. В целом помещение сосудов в могилы для рассматриваемого периода Зауралья не характерно, поэтому характер ямы вызывает трудности в интерпретации.

Поверхность сосуда сплошь покрыта неглубокими округлыми ямками, оттисками мелкого гребенчатого штампа и в виде скобки, образующими геометрический орнамент. Интересно, что треугольные фигуры и полосы по периметру обрамлены коническими ямками, что характерно для керамики памятников волончинского типа Северного Зауралья [Кокшаров, 2009, рис. 55, 56]. Внутренняя поверхность венчика также украшена гребенчатым штампом (рис. 6, 2). В северо-западной части ямы имелась материковая ступенька.

В 20 м южнее кургана 22 был изучен курган 42, под которым оказалось погребение эпохи энеолита с двумя индивидами (рис. 8, 1). Ранний материал присутствовал в насыпи, но в меньшей концентрации в сравнении с предыдущим. Всего собрано 95 фрагментов керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, а также с оттисками шнура. Найдены сигаровидные грузила, биконические, ножевидные пластины, отщепы. В отдельной яме (№ 9) находились два наконечника кельтеминарского типа и один листовидный.

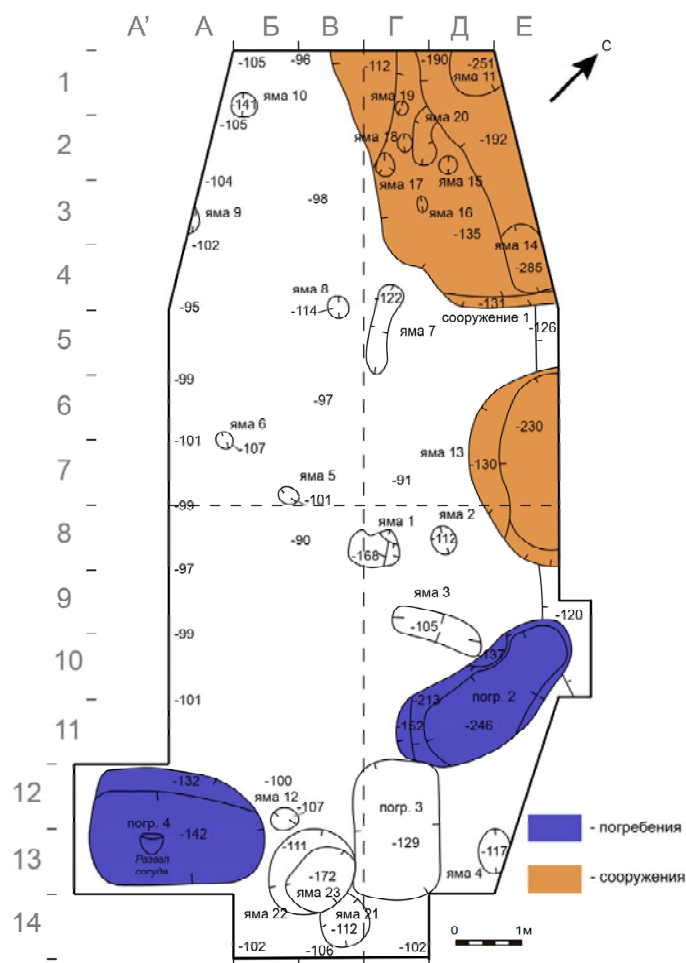

Рис. 5. Устьуг. План расположения энеолитических могильных ям в раскопе кургана 22.
Условные обозначения: синий — могилы, оранжевый — сооружения.
Fig. 5. Ustyug. The location plan of the Eneolithic grave pits in the excavation of the mound 22.
Legend: blue — graves, orange — constructions.

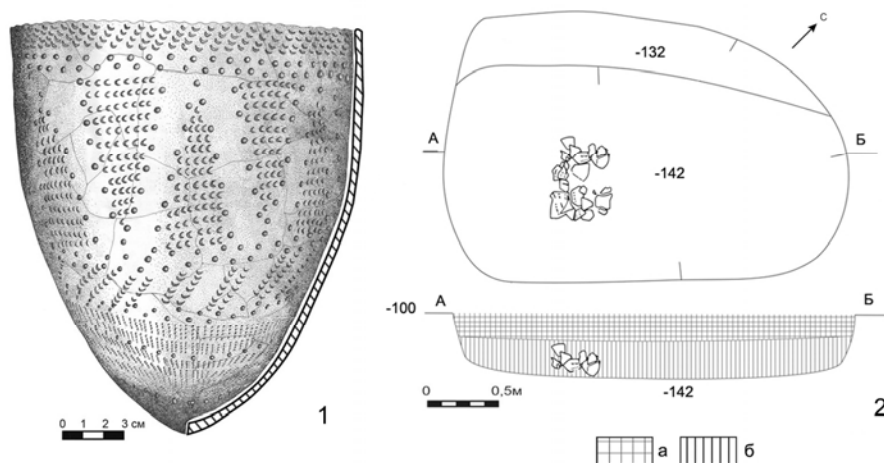

Рис. 6. План и разрез могильной ямы 4 в раскопе кургана 22 (2) и глиняный сосуд из нее (1):
а — черный слой, б — коричневый слой.
Fig. 6. Ustyug. The plan and pit cut of the burial 4 (2) in mound 22, clay vessel from it (1).
Legend: а — black sand, б — grey sand.

Рис. 7. Устьуг. Вид погребения 3 в кургане 42 с юга.
Fig. 7. Ustyug. The view of the burial 3 in mound 42 from the south.

Энеолитическое погребение 3 кургана 42 — парное (рис. 8, 1). Оно зафиксировано на уровне материка в виде овальной с заполнением коричневого цвета ямы, окруженной узкой, в 45–50 см, разомкнутой с севера каймой с почти черным заполнением, диаметром 3,5 м. В верхнем слое заполнения были найдены треугольное острие из ножевидной пластины (рис. 8, 3), два обломленных скребка из белого кремня, ножевидная пластина из серо-зеленого сланца, а у южного края могилы — миниатюрный асимметричный наконечник стрелы на отщепе из черного сланца (рис. 8, 4).

Ниже заполнение приобрело светло-коричневый цвет и овальную форму. Через 40 см заполнение снова стало коричневым. На глубине 0,9 от уровня материка выявились остатки черепа от скелета индивида 1 (рис. 7). Он был положен на спину вытянуто и ориентирован головой на север. Скелет наклонен на левый бок, голова находилась на 23 см выше уровня грудной клетки. Руки согнуты в локтях и положены на живот, стопы ног располагались вплотную друг к другу, вероятно, были связаны (спеленуты) и находились выше тазовых костей на 10 см. То есть, тело прогнулось вниз в средней части.

Скелет (кроме верхней части головы) и пространство под ним покрывала прослойка охры вишневого цвета толщиной 15–18 см, глубже шли три перемежающихся слоя светло-коричневого и коричневого песка на высоту 20 см, а ниже их дно могилы также было посыпано охрой слоем в 5–6 см.

Сложная структура заполнения под индивидом 1, как нам кажется, свидетельствует о том, что изначально он покоем на некоей органической подстилке, сложенной в несколько раз или состоявшей из разных материалов, со временем истлевшей. По определению к.и.н. К.Н. Солодовникова, скелет принадлежит мужчине 25–35 лет. В ногах индивида 1, вдоль берцовых костей, собрано 14 подвесок из красного сланца со шлифованной поверхностью и отверстиями около 0,2 см в диаметре, выполненными встречным сверлением. Размеры подвесок варьируются от 2,2×1,7 см до 1×1 см, толщина в сечении — от 0,2 до 0,5 см (рис. 8, 2).

Индивид 2 находился в северо-восточной части могилы, в изголовье первого умершего. Останки определены как принадлежащие женщине в возрасте 20–30 лет. От ее скелета сохранились только череп и плечевые кости рук, а также тлен от диафизов большеберцовых костей. Судя по расположению последних, изначально ноги погребенной, видимо, были подтянуты к корпусу туловища, таким образом, что она как бы сидела на материковой ступеньке.

Горизонтальное расположение напластований, заполняющих могилу, говорит о том, что она была полностью засыпана в момент совершения погребения, а не стояла открытой, не имела воздушной полости между перекрытием и телами. Неглубокая кольцевидная черная канавка по периметру (глубиной 12–15 см), вероятно, могла образоваться от ограждения вокруг могилы из дерновых кирпичей, предварительно снятых с места для выкапывания ямы.

В 3 м к северо-западу от погребения 3 в материке была расчищена яма 9, содержащая два кельтеминарского типа наконечника стрел на пластинах с краевой ретушью и один листовидный с раздвоенным насадом с двусторонней ретушью из серого кремня (рис. 8, 5–7). Связь ямы с погребением не очевидна, однако, учитывая полные аналоги этим вещам в могильнике Бузан-3 [Матвеев и др., 2015, рис. 38, 19, 21–23], можем считать эти находки маркером энеолитического возраста памятника.

Изделия пластинчатой индустрии характерны для зауральского неолита и раннего энеолита, каплевидные подвески имеют достаточно широкую хронологию бытования. Сходные образцы, выполненные из кости, присутствовали в шаманском погребении в гроте Камня Дождевого; примечательно, что они также были сосредоточены в области берцовых костей [Сериков, 1998, с. 34]. Аналогичные каплевидные подвески из красного сланца обнаружены в грунтовом могильнике Чепкуль-21, в погребениях 2, 3, 7 и 11 могильника Бузан-3 и на других памятниках энеолита.

Обсуждение материалов

Грунтовые погребения эпохи энеолита на соседних территориях лесостепи были известны и ранее. Топографическое расположение нашего памятника весьма сходно с ситуацией могильника Верхняя Алабуга. Оба объекта находятся на выступе первой надпойменной террасы в сторону реки, окружены старицей и в половодье превращаются в полуострова. Погребения их расположены несколькими рядами в наиболее возвышенной части дюны, как и в могильнике Бузан-3. Характерной особенностью является размещение умерших головами к северу и северо-востоку. В Верхней Алабуге также неоднократно встречены позы сидя на уступе в стене могилы: погр. 56, 73, 80, 85, 88 [Потемкина, 1985, с. 153, 155]. Т.М. Потемкина видела в обрядности данного могильника раннеямное и среднестоговское влияние. От нашего памятника он отличается разреженным нанесением гребенчатых узоров на посуде, иными пропорциями наконечников стрел (иволистные и треугольные с раздвоенным насадом), высокой долей орудий в инвентаре, например наличием скребков, вкладышей ножей, скобелей, угловых резцов, сверел [Там же, рис. 65], так что отмечаемое сходство — скорее эпохального характера.

По-видимому, наши погребения Устюга-3 разновременные и разнокультурные. Погребение 3 кургана 42 может быть относительно синхронизировано с энеолитическим комплексом ближайшего территориально памятника Бузан-3, датированного последней четвертью IV тыс. до н.э. Всего в упомянутом могильнике исследовано 13 захоронений эпохи энеолита, некоторые из них являются безынвентарными, но в каждом отмечено присутствие охры. При этом в большинстве ям человеческие останки не сохранились. Погребение 2 Бузана-3 выделяется наличием наконечников кельтеминарского типа и сланцевой фигуркой в виде головы птицы [Матвеев и др., 2015, с. 11–18]. Двухъярусная посыпка охрой наблюдалась в Ясунском погребении [Кокшаров, 2009, с. 158], что соответствует ярусным захоронениям, связываемым с хвалынским влиянием.

К характеристике погребальной обрядности энеолитической эпохи Притоболья...

По распространению пластинчатой индустрии можно говорить предположительно о раннем энеолите для погребения 3 кургана 42 [Вохменцев, 2000, с. 19].

Погребение 4 кургана 22 с ямочно-гребенчатой керамикой по существующей ныне периодизации [Зах, 2009, с. 259; Кокшаров, 2009, с. 250] может быть отнесено к формирующейся андреевской традиции (андреевско-волвончинский горизонт по С.Ф. Кокшарову) и датировано серединой III тыс. до н.э.

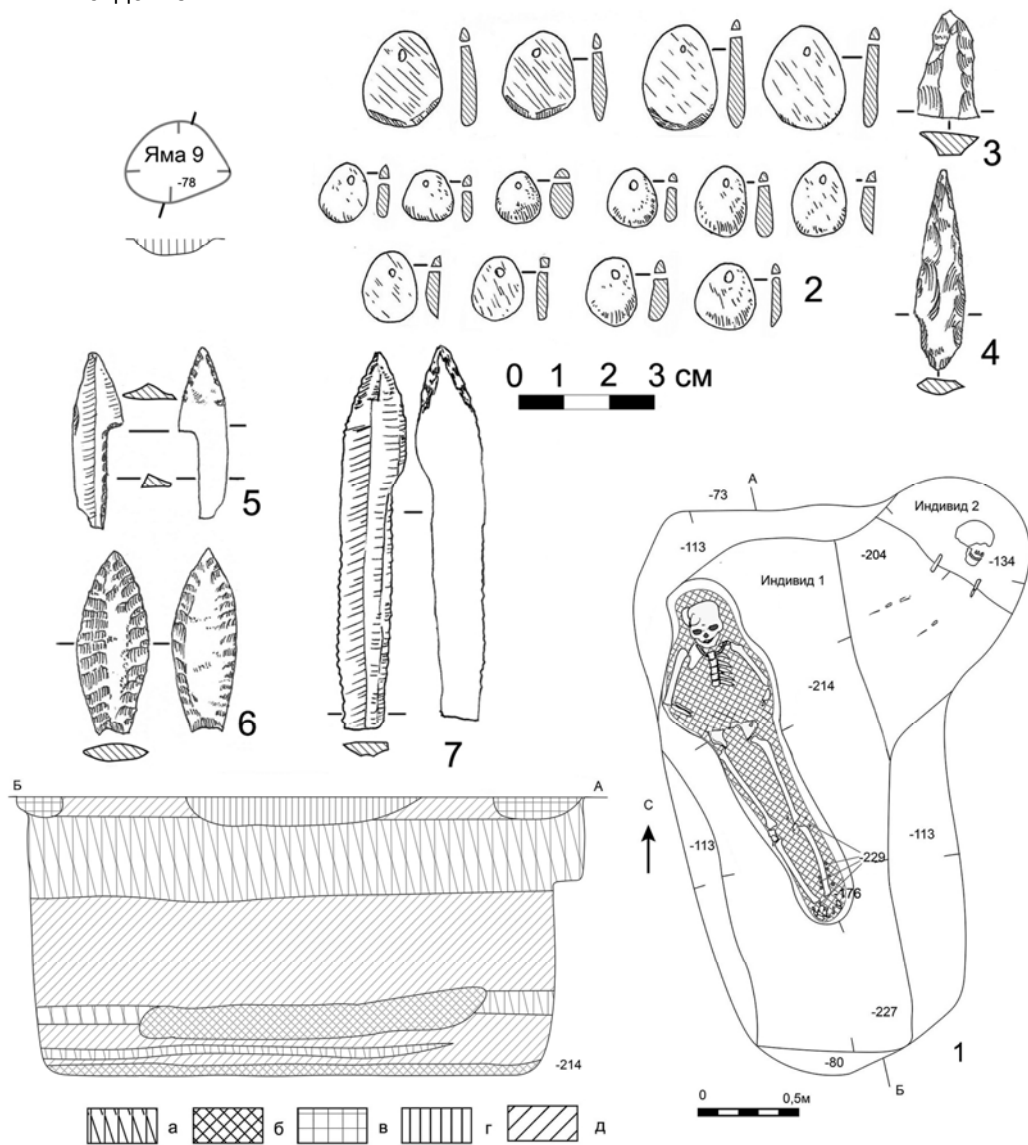

Рис. 8. Устюг. План и разрез погребения 3 и ямы 9 в раскопе кургана 42 (1) и прорисовка подвесок (2) и кремневого инвентаря из могилы (3, 4) и ямы (5–7):
 а — светло-коричневый песок, б — охра, в — черный песок, г — серый песок, д — коричневый песок.
Fig. 8. Ustyug. Plan and section of burial 3 and pit 9 in excavation on mound 42 (1) and drawing of pendants (2) and flint inventory from burial (3, 4) and pit (5–7):
 Legend: а — light brown sand, б — ocher, в — black sand, г — grey sand, д — brown sand.

Традиция «соумирания», отраженная в сопровождении «основного» погребенного другим человеком, в Зауралье зафиксирована неоднократно. Различия между индивидами в паре выражены и в позах, и в инвентаре. Так, на скелете погребенного в гроте Дождевом обнаружены подвески каплевидные и в виде птиц, кости оленя, отщепы, наконечники стрел, шлифованный нож. Вблизи располагалось еще одно захоронение: женщина, положенная на спину в вытяну-

том положении, в сопровождении костяного и каменного инвентаря. Оба индивида обильно посыпаны буро-красной охрой. Ю.Б. Сериков предполагает, что данные погребения были совершены одновременно, а женщина сопровождает шамана, выполняя роль помощника. Четкой датировки погребения нет, Ю.Б. Сериков отмечает, что подобные каплевидные украшения встречаются в регионе от мезолита до ранней бронзы [1998, с. 41–42].

Довольно близок по инвентарю к нашему памятнику Чепкуль-21 в районе Андреевского озера, где исследователями было раскопано семь погребений. Там материалом для изделий послужили кость, камень и вишневые косточки, среди каменных изделий также обнаружены наконечники кельтеминарского типа из яшмы в общем количестве 8 ед. Во всех ямах присутствует охра, человеческие останки обожжены. Исследователи предполагают наличие обряда кремации в деревянных сооружениях, о чем свидетельствуют древесные остатки в отдельных ямах. Несмотря на присутствие на территории могильника липчинской и андреевской керамики, комплекс отнесен к шакульской археологической культуре, что аргументировано не только отдельными фрагментами сосудов в ямах, но и упомянутыми кельтеминарскими наконечниками [Зах и др., 2005].

Поза вытянуто на спине характерна для погребений Барнаульского Приобья IV тыс. до н.э. А.Г. Марочкин в своей диссертации, посвященной энеолитическим погребениям Верхнего Приобья, выделяет особую подгруппу захоронений на основе труположения [2014, с. 19–20]. Ей свойственно положение погребенного лежа на спине, кисти рук помещены на таз, ноги связаны. При этом преобладают совместные захоронения мужчин и женщин со скудным инвентарем. Однако для данного региона не характерны сидячие погребения.

Энеолитические погребения с сидячим размещением людей встречались ранее на территории лесостепного Притоболья на могильниках Убаган-1 (раскопки Т.М. Потемкиной), Гладунино-1 (раскопки С.Н. Шилова). Указанные погребения — безынвентарные [Вохменцев, 2000, с. 9]. Территориально близок к Устюгу-3 аналог из Хрипуновского могильника в Исетском районе (раскопки А.В. Матвеева 2001 г.). Исследования проводились на краю надпойменной террасы, где в предыдущие годы были выявлены захоронения эпохи бронзы и средневековья. В погребении 52 был обнаружен сильно обожженный скелет взрослого мужчины в сидячей позе, прислоненный спиной к восточной стенке могильной ямы. В изножье находился череп второго индивида. Под погребенным обнаружены остатки обгоревшей бересты и прослойка красной охры толщиной до 5 см. Инвентарь в погребении отсутствовал [Матвеев, 2002, с. 97–98].

В степном Притоболье на территории Костанайской области в могильнике Бестамак изучены 11 энеолитических погребений, расположенных поблизости от упомянутого выше могильника Убаган-1, и сидячих среди них два [Логвин и др., 2013]. Также в обоих погребениях почти отсутствует инвентарь, но наличествует охра. Исходя из представленного материала можно сказать, что погребения с Устюга-3 сочетают в себе отдельные элементы погребального обряда, характерные для различных могильников Зауралья. Как и в подавляющем большинстве ранних погребений региона, в них присутствует охра, но не зафиксировано следов кремаций. Можно заключить, что люди разного социального статуса захоронивались в различных по размерам и глубине конструкциях, в разных позах и с разными наборами инвентаря. Однако причины такой дифференциации пока остаются не ясными.

Заключение

Энеолитические погребения Устюга-3 достаточно разнообразны по деталям устройства и инвентаря. Присутствие в данном месте носителей андреевской и шакульской культур аргументируется керамикой, глиняными и каменными изделиями. Аналоги предметам инвентаря в погребальных комплексах притобольского региона позволяют выдвинуть предположение, что могильный комплекс был создан носителями шакульской культуры, но место продолжало использоваться для практической жизни и ритуалов носителями других культурных традиций. Они, вероятно, попеременно появлялись на данной территории с конца IV по середину III тыс. до н.э.

Среднеуральские аятские материалы нельзя признать сходными в силу иного стиля декорирования посуды. Южно-уральские и степные тобольские (терсекские) памятники отличаются от наших отщеповой индустрией и обрядовыми характеристиками. Поэтому, полагаем, следует сосредоточиться на выявлении культурной самобытности памятников разных районов Зауралья, чему должен послужить публикуемый материал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

Матвеев А.В. Об археологических исследованиях на территории Тюменской области (Ботники 1, Хрипуновский могильник, Щетково-2) в 2001 г. Тюмень, 2002 // Архив НИПАиЭ Соцгум ТюмГУ. Ф. № 1. Д. № 1.

Источники

Вохменцев М.П. Энеолит лесного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 28 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: (История изучения, структурный анализ и топология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 34 с.

Электронные ресурсы

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. О погребениях эпохи энеолита в положении «сидя» могильника Бестамак. 2013. (КГУ, г. Костанай, Республика Казахстан). Qazaqstan Tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/1561>.

Литература

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль-21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. 2005. С. 24–42.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. Археологическое наследие Тюменской области. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Культовые памятники эпохи энеолита // Древности Ингальской долины. 2015. Вып. 3. 156 с.

Матвеева Н.П. Погребения эпохи энеолита и бронзы из могильников Притоболья // АВ ORIGINE. Тюмень, 2012. Вып. 4. С. 12–22.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 267 с.

Матвеева Н.П., Цембалюк С.И., Сомова М.А. Баитовский комплекс поселения Устюг-2 // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 51–71.

Мосин В.С. Зауральская культурно-историческая область в мезолите-энеолите // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. Т. 1. С. 220–240.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23. С. 29–47.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 375 с.

Усачева И.В. «Утюжки» — социологический аспект: От мастерства к специализации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 12–19.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 82 с.

N.P. Matveeva, N.Y. Suchilina

University of Tyumen

Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru (Matveeva N.P.);

n.y.suchilina@utmn.ru (Suchilina N.Y.)

**Characteristics of the Eneolithic funeral rite in the Tobol River region
(the burial ground in the settlement of Ustyug-3)**

The article is concerned with the Eneolithic burials of the Tobol River region from excavations in the Ustyug-1 kurgan cemetery in the Zavodoukovsky district of the Tyumen Oblast. Apart from the settlement layer left by populations of the Shapkul and Andreevskoe Cultures, five ground burials of different periods were found in the settlement of Ustyug-3, with the Eneolithic grave goods attributed to the same cultures and dated to the end of the 4th — middle of the 3rd mil. BC. Analogies to the funeral rite can be traced in the territory of the Tobol-Iset basin, in the Urals, and in Kazakhstan. The original position of the deceased was preserved in the paired burial: one individual was placed in sitting position at the head of another, who laid stretched on the back. The authors consider in this case the tradition of «joint death». Findings from the burial pits include plates, retouched arrowheads on flakes, drop-shaped shale pendants, small stone «iron». The obtained evidence suggests that the grave complex was created by the population of the Shapkul Culture, but the location was further used for the routine life and rituals by groups of other cultural traditions, who, apparently, were coming to this area alternately during the Eneolithic. Features of pottery ornamentation, flake industry, and rituals of the sites in the region are different from

those in the Middle and Southern Urals, the steppe areas of the Tobol River basin. As such, we envisage further research prospects in revealing the cultural identity of various regions of the Trans-Urals.

Key words: Eneolith, funeral custom, Tobol basin, «shaft straighteners», Shapcul Culture, Andreevskoe Culture.

REFERENCES

- Koksharov S.F. (2009). *Eneolithic sites of the north of the Western Siberia*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Matveev A.V., Matveeva N.P., Panfilov A.N., Buslova M.A., Zakh V.A., Mogil'nikov V.A. (1995). *Archaeological heritage of the Tyumen region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveev A.V., Matveeva N.P., Serikov Iu.B., Skochina S.N. (2015). Religious sites of the Eneolithic Age. *Drevnosti Ingal'skoi doliny*, (3). (Rus.).
- Matveeva N.P. (2012). Burials of the Eneolithic and Bronze Age from the burial grounds of the Tobol. *AB ORIGINE*, (4), 12–22. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2016). *Western Siberia in the era of the Migration Period: (Problems of cultural genesis according to funeral monuments)*. Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Matveeva N.P., Tsembaliuk S.I. Somova M.A. (2011). The complex of Baitovo culture of the settlement Ustiug-2. *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*, (3), 51–71. (Rus.).
- Mosin V.S. (2000). Trans-Ural cultural-historical region in the Mesolithic-Eneolithic periods. In: *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia. T. 1*. Cheliabinsk: Izd-vo IuUrGU, 220–240. (Rus.).
- Potemkina T.M. (1985). *Bronze Age of forest-steppe Tobol basin*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Serikov Iu.B. (1998). Shaman burials of the Trans-Urals. *Voprosy arkheologii Urala*, (23), 29–47. (Rus.).
- Shorin A.F. (1999). *Eneolithic of the Urals and neighboring territories: Problems of cultural genesis*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Usacheva I.V. (2009). «Straightener» — sociological aspect: From skill to specialization. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (10), 12–19. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal Age of the forest area of the Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zakh V.A., Skochina S.N., Parkhimovich S.G. (2005). Chepkul-21 burial ground in the north of Andreevskoe Lake System. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (6), 24–42. (Rus.).

Матвеева Н.П., <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Сучилина Н.Ю., <https://orcid.org/0000-0001-7682-5728>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.09.2020

Article is published: 27.11.2020